

Примечания

- ¹ Федоров А.М. Что его ждет?: Повесть // Живописное обозрение. 1902. № 7. С. 990.
- ² Федоров А. Смерть фабричного: Стихотворение // Саратовский дневник: Приложение. 1885. 15 июня. С. 148.
- ³ Федоров А.М. Автобиография // Фидлер Ф.Ф. Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С.104.
- ⁴ Там же. С.105.
- ⁵ Федоров А.М. Степь сказала // Живописное обозрение. 1897. №2–3.
- ⁶ Федоров А.М. Автобиография. С.106.
- ⁷ Федоров А. Картины и настроения. Здесь и там: Фельетон // Одесские новости. 1899. 17 июня. С.1.
- ⁸ <Б.п.> Из голодных мест // Одесские новости. 1899. 10 апр. С.2.
- ⁹ Федоров А. С дороги. Часть III: Корреспонденция // Одесские новости. 1899. 21 апр. С.3.
- ¹⁰ Федоров А. Среди голодающих. Первые впечатления: Корреспонденция // Одесские новости. 1899. 4 мая. С.2.
- ¹¹ Федоров А. Среди голодающих. В новой деревне: Корреспонденция // Одесские новости. 1899. 9 мая. С.3.
- ¹² Федоров А. Среди голодающих. Как мы открывали одесские столовые: От нашего специального корреспондента // Одесские новости. 1899. 14 июня. С.3.
- ¹³ Федоров А. Среди голодающих. Одесские столовые в Петровке: Фельетон // Одесские новости. 1899. 16 июня. С.1.
- ¹⁴ Федоров А. Картины и настроения. Здесь и там: Фельетон // Одесские новости. 1899. 17 июня. С.1.
- ¹⁵ Федоров А. М. Земля: Роман // Русское богатство. 1903. №1–4.
- ¹⁶ Федоров А. Маленький ребенок: Из поездки к голодному краю // Одесские новости. 1899. 25 июня. С.1.
- ¹⁷ Андреев Л. Автобиография. С.31.
- ¹⁸ <Н.>Г. Два бытописателя // Одесские новости. 1900. 10 марта. С.1. Рец на кн.: Федоров А.М. Степь сказала: Роман: В 2 ч. СПб., 1900; Нефедов Ф.Д. Сочинения. СПб., 1900. Т.3.
- ¹⁹ А. <Маркевич А.И.> Новая пьеса А.М. Федорова: От нашего петербургского корреспондента (О премьеры пьесы «Обыкновенная женщина» в Александринском театре) // Одесские новости. 1904. 20 янв. С.1.
- ²⁰ Федоров А.М. Обыкновенная женщина; Стихия; Старый дом; Бурелом: Пьесы. СПб., 1903. 328 с.
- ²¹ Федоров А.М. Автобиография. С.106.
- ²² Федоров А.М. На Восток: Очерки. СПб.: Родник, 1904. 223 с.
- ²³ Федоров А.М. Солнце жизни: Палестина // Федоров А.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1913. Т.7, ч.1–2.
- ²⁴ Федоров А.М. С войны: Очерки. М., 1915. С.3.
- ²⁵ Там же. С.3–4.
- ²⁶ Бархин К. Война и литература: 1914 – июль 1916 // Одесские новости. 1916. 21 июля. С.2.
- ²⁷ Луцик С.З. Реальный комментарий к повести // Катаев В.П. Уже написан Вертер: Повесть. Одесса, 1999. 234 с.
- ²⁸ Федоров А.М. Автобиография. С.106.
- ²⁹ Федоров А. А.П. Чехов: Воспоминания // О Чехове: Воспоминания и статьи. М., 1910. С.299.

УДК 882.09-95+929 Гоголь

СУДЕЙСКИЕ АМБИЦИИ Н.В. ГОГОЛЯ: СТАТЬЯ «О ДВИЖЕНИИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, В 1834 И 1835 ГОДУ»

А.А. Суворов

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье рассматривается талант Гоголя как критика и журналиста. Наиболее явное выражение его идеи нашли в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». Взгляды автора тесно связаны с культурно-философской проблемой «судейства». Эта категория изменяется от субъективного мнения журналиста до понимания справедливости вообще.

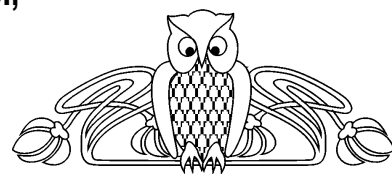
N.V. Gogol's Ambitions as a Literary Critic: Article «About Trends in the Press, 1834 – 1835»

A.A. Suvorov

The article reflects on the nature of Gogol's journalistic and critical talent. The article «About trends in press, 1834–1835» is a manifesto of Gogol's ideas. The author's thought is shown to be closely con-

nected with the problem of judgment, philosophically and culturally charged. Meanings of «judgment» in the article range from a reporter's opinion to a concept of justice.

Статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» была опубликована в первом томе пушкинского «Современника» в 1836 году. Период с 1834 по 1836 г. в творчестве Н.В. Гоголя характеризуется биографами как время глубокой вовлечённости писателя в литературный процесс. И.П. Золотуцкий пишет: «Почти в год Гоголь создает

“Тараса Бульбу” (первую редакцию), “Старосветских помещиков”, “Портрет”, “Невский проспект”, повесть о Поприщине, “Вия”, “Женихов” (будущую “Женитьбу”), статьи. Все это начинается и обдумывается в 1833-м и завершается в 1834 году, ибо в самом начале 1835 года и “Арабески” и “Миргород” уже выходят в свет¹. В этот же период Гоголь штудирует литературу, которую впоследствии назовёт «журнальной».

В 1834–1836 гг. проблемы, исконно близкие жанрам периодики, и журнальная тематика в целом становятся актуальными для творчества Гоголя. Эта тенденция проявляется уже на биографическом «перевале» – в 1833 г. – в первую очередь в «Записках сумасшедшего», где воспроизведена «атмосфера газетных суждений»² того времени.

Обратимся к статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». По признанию исследователей, это одна из важнейших журнальных публикаций писателя, если и не программная для пушкинского «Современника»³, то для самого Гоголя – принципиальная. В ней автор определил свою позицию по ряду острых проблем, как собственно журналистских, так и эстетико-философских.

С первых строк Гоголь-журналист определяет само понятие «журнальная литература»: «Она волею и неволею захватывает и увлекает в свою область девять десятых всего, что делается принадлежностью литературы. Сколько есть людей, которые *судят*⁴, говорят и толкуют потому, что все *суждения* поднесены им почти готовые, и которые сами от себя вовсе не толковали бы, *не судили, не говорили*⁵. Далее Гоголь неоднократно прокомментирует, объяснит и переформулирует эту мысль. Можно признать приведённое определение ключевым для понимания всего текста публикации. Что же такое для Гоголя «журнальная литература»?

В первую очередь – это сообщество людей, объединённых общими заботами, общими возможностями и *общей высокой целью*. Журнальная литература формирует общественное мнение, втягивает «в свою область» и художественную литературу, и научную публицистику, и саму себя. Возможности

журнальной литературы почти безграничны, а потому почти безгранична и её власть. Каков же механизм реализации этой власти?

Ответ очевиден: журнальная литература представляется Гоголю как «судебный» процесс. И дело не только в словах, которые он как журналист подбирает для характеристики этого процесса («судить», «приводить суждения», «осуждать» и др.). Важно и мнение автора о высокой цели журнальной деятельности, которую большинство современников не видит: «Ничего не сказано о том, что предполагал себе целью автор разбираемого сочинения, как оно выполнил и, если не выполнил, как должен был выполнить» (с.160). В статье можно найти много подобных авторских замечаний наставительного характера.

Цель обычного критического разбора видится несоизмеримо более высокой после упоминания об ответственности журналиста: «...мнения его разносились чрезвычайно быстро, вместе с четырьмя тысячами экземпляров журнала, по всему *лицу* России» (с.167). Таким образом, к высокой цели должно подходить с высокой ответственностью. Гоголь понимает публичность как ответственность перед лицом всей России.

Цинизм журналистов, их желание достичь исключительно личных, неблагородных целей становятся объектом критики Гоголя. «Это обыкновенная политика петербургских журналов и газет. Как только кто-нибудь сделает им упрёк в корыстолюбии и в бездействии, – пишет Гоголь, – они всегда жалуются публике на неприличие выражений и неблагородство духа своих противников, говорят, что статья эта писана с целью только поддеть публику и забрать от читателя деньги...» (с.169). Журналы ангажированы определёнными людьми, они ругают и хвалят по указанию. Денежные и политические мотивы определяют направления изданий, поведение журналистов также подчинено этим «законам».

Гоголь характеризует ситуацию как «отсутствие журнальной деятельности и живого современного движения» (с.156), несмотря на всю издательскую суету и журналистскую сутолоку. Осознание проблем журнального мира не означает для автора примирения с действительностью.

Связь между журналистом и публикой, по мнению Гоголя, должна осуществляться не только через текст самой статьи, вмешиваться здесь должен не только редактор, и, конечно же, не третье заинтересованное лицо. Нечто большее необходимо для проникновенного общения человека пишущего с адресатом. Гоголь, анализируя сцены журнальных баталий 1830-х гг., приходит к формулировке свода «законов» (нравственно-эстетических принципов), которые должны стать для журналиста универсальным средством самопроверки. Эти законы – своеобразный моральный барьер, система условий и запретов, гарантия поддержания высоких культурных стандартов и, говоря современным языком, сохранения «качества» журналистики.

Положения, предъявленные Гоголем в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», особенно интересны в свете остро актуальной сегодня проблемы журналистской этики. Сближает современную теорию журналистики и разбираемый текст сам характер гоголевских деклараций. Фактически в статье провозглашены принципы публичности и свободы слова, заявлено о равноправии сторон журнального процесса. Каждый журнал, литературная школа или партия могут выражать свою программу, более того, автор статьи настаивает на провозглашении такой программы. Обсуждение же любой точки зрения, любого произведения или поступка должно проходить с соблюдением предпочтений каждой из сторон на основе социальной площадки, которая и есть журнальная литература.

Статью «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» условно можно разделить на четыре части. В первой Гоголь дает определение понятия «журнальная литература», во второй разбирает (проверяет на соответствие своим принципам) заинтересовавшие его за два года «повременные» издания, в третьей подводит предварительный итог, в четвертой же переходит к прямому наставлению журналиста.

Гоголь приводит четыре основных тезиса, которые и определяют «главный характер» журнальной критики. Каждый из этих четырех пунктов может быть рассмотрен в двух плоскостях: с точки зрения критики

журнальной литературы 1834 и 1835 г. и с точки зрения эстетико-философских оснований журнального процесса. Попробуем провести такое соответствие:

1. «Пренебрежение к собственному мнению. Почти никогда не было заметно, чтобы критик считал своё дело важным и принимался за него с благоговением и предварительным размышлением, чтобы, водя пером своим, думал о небольшом числе возвышенно образованных современников, перед которыми он должен дать ответ в каждом своем слове» (с.173).

Последнее утверждение – декларация независимости озвученного (судейского) решения от личных, гражданских, бытовых и других «человеческих» интересов. Тот, кто выступает в роли журнального судьи, должен «благоговеть» перед «важностью дела» и, что самое главное, принимать решение в соответствии с мнением «небольшого числа возвышенно образованных современников». Таким образом, носителями нравственного закона должны быть лишь немногие «возвышенно образованные», перед которыми критику (судье) и придётся держать ответ. Критик должен согласовывать все свои действия с чувством, для того и нужно это «предварительное размышление». В своих тезисах Гоголь даёт подробный план создания журналистского текста. Причём речь идёт как о «правильном» умонастроении пишущего, так и о чувствах – всё должно быть подчинено высокой идее.

2. «Литературное безверие и литературное невежество. Эти два свойства особенно распространились в последнее время у нас в литературе. Нигде не встретишь, чтобы упоминались имена уже окончивших поприще писателей наших, которые глядят на нас, в лучах славы, с вышины своей» (с.173–174).

И снова Гоголь обращается к высоким авторитетам, утверждает непререкаемость общепризнанной традиции. Апелляция к блистательным поэтическим образцам прошлого как эталонам совершенно необходима для критического процесса. Незнание или непризнание авторитетов – есть «невежество», то есть несовместимое с возвышенной природой дела качество. Второй тезис определяет значимость категории *памяти*. Речь, в данном случае, идёт о памяти литературной.

Журнальная критика, таким образом, должна служить как для отбора произведений высокого искусства, так и для сохранения этих образцов на благо новых поколений.

Гоголь отмечает здесь одну из таких функций журнальной периодики, как способность служить хранилищем исторической информации, быть одной из форм коллективной памяти.

3. «Отсутствие чистого эстетического наслаждения и вкуса <...> Разбираемые сочинения превозносятся выше Байрона, Гёте и проч.! Но нигде не встретит читатель, чтобы это было признаком чувства, признаком понимания...» (с.174).

Речь здесь идёт о ценностных ориентациях журнальной критики и о недопустимости эстетической путаницы, наблюдаемой Гоголем в периодических изданиях. Автор пытается утвердить реальную, действительную иерархию художественных достоинств, которая служила бы руководством для журнальных «судей». Однако следовать эстетическим системам даже самого высокого достоинства для критика недостаточно. В своих «суждениях» он должен опираться на собственный внутренне-развитый вкус – «признак чувства».

4. «Мелочное в мыслях и мелочное щегольство. Мы уже видели, что критика не занималась вопросом важным. Внимание рецензий было устремлено на целую шеренгу пустых книг...» (с.175).

Выбор предмета журнального обсуждения – первый и важнейший этап критического процесса, ошибки здесь быть не может. Только произведение высокого уровня должно быть рассмотрено со всей необходимой внимательностью. «Мелочное в мыслях» означает и мелочное в *деле*. Само «внимание» критика (достойного судить) нельзя растрачивать на пустословное литературное «щегольство».

Гоголь пытается бороться не только с невежественными критиками и журналистами, его цель куда выше и значительнее – он хочет изменить представление широкой аудитории о самом феномене журнальной литературы. Автора статьи не устраивают такие реалии, как тематическая ограниченность (злободневность) периодики, её сверх меры старательная ориентация на максимальное

число читателей, ангажированность и финансовая зависимость издателей. Гоголь пытается искоренить такие явления, которые, увы, составляют характеристику не одной только современной ему журналистики. Без них нельзя не только реконструировать журнальный процесс 30-х гг. XIX в., но и дать определение самому понятию «журналистика».

Статья Гоголя стремится использовать властные полномочия журнальной литературы «против» неё самой, направить всех без исключения участников печатного диалога по единственно правильному пути и воспитать новое поколение критиков.

Цель автора – предъявить образец правильного журнального «суда» и *научить судить*. Это глубокое внутреннее желание изменить, перенастроить публику на серьёзный лад в том, что является для неё лишь упражнением ума, беспечным чтением на ночь.

Статья, как и большинство литературных «проектов»⁶ Гоголя, не была воспринята современниками с той долей серьёзности, которую вложил в неё автор. То была не простая полемика, а попытка совершить переворот в журналистике, в журнальной литературе своего времени. И, что свойственно Гоголю, изменения, заложенные в его тексте – в пространстве культурно-эстетическом, должны были в кратчайшие сроки реализоваться на практике, в быту. Трагическое непонимание широкой публики, которое сопровождало многие гоголевские произведения, нужно полагать, и объясняется слишком большой пропастью между писательским замыслом и реальной действительностью.

Готовность по мановению своего пера изменить мир характеризует Гоголя-журналиста 1834–1836 гг. Максимализм был свойствен писателю в моменты душевного и творческого подъёма, с подобным воодушевлением связаны все его основные работы. В период таких переживаний и чаяний создаётся статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году».

1834–1836 годы – время необычайной активности Гоголя. В своих размышлениях писатель и журналист всё чаще обращается к идее суда. Она становится глубинным основанием сложных текстовых построений, а также мотивом личных переживаний автора, оправданием его творческих порывов. Су-

дейские амбиции писателя находят реализацию в нескольких литературных «проектах», главным из которых был «Ревизор».

Примечания

¹ Золотусский И.П. Гоголь. М., 2005. С.150.

² Золотусский И. П. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1976. Т.35, №2. С.144.

³ О спорах вокруг статьи см.: Рыскин Е. О статье Н.В. Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» // Русская литература. 1965. №1; Березина В.Г.

Новые данные о статье Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» // Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954.

⁴ Курсив здесь и далее мой. – С.А.

⁵ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1952. Т.8. С.156. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁶ Большинство принципиальных, «этапных» произведений писателя, по признанию биографов и литературоведов, носило характер вселенских проектов. Вспомним, например, какую кампанию по сбору средств пытался устроить Гоголь после выхода в свет «Мёртвых душ».